

СЕРГЕЙ ЛОБАНОВ
МЫ БУДЕМ НА ЭТОЙ ВОЙНЕ
ДИВЕРСАНТЫ

"[9.3] Это-то и худо во всём, что делается под солнцем, что одна участь всем, и сердце сынов человеческих исполнено зла, и безумие в сердце их, в жизни их; а после того они отходят к умершим"

Ветхий Завет, Екклесиаст, Глава девятая

Сергей Владимирович Лобанов

Мы будем на этой войне. Диверсанты

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6706370

Аннотация

Россия, 2017 год.

В стране полыхает гражданская война – кровавая, бессмысленная, беспощадная. Ненавистью наполнены сердца людей.

Диверсанты Янычар, Куба, Мамба, Негатив и Бек воюют на стороне Объединённой Оппозиции против федеральных войск.

Каждый из офицеров по своей причине оказался в оппозиционных войсках, но все убеждены, что дерутся за Россию, за народ, за правду.

Их непримиримые враги федералы тоже уверены, что сражаются за страну, за справедливость, за мирных людей.

Чью сторону выберешь ты, когда сбудется библейское пророчество: «Меч каждого человека будет против брата его»?

Содержание

От автора	4
Пролог	7
Часть I	20
Глава I	20
Глава II	58
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Сергей Лобанов

Мы будем на этой войне. Диверсанты

*«Меч каждого человека будет против брата его»
Библия, Книга пророка Иезекииля, 38:21*

От автора

За эту работу я взялся после услышанных нескольких скучных историй, рассказанных моим знакомым. Он пожелал остаться инкогнито. Могу лишь сказать, зовут его Дмитрий. Сразу оговорюсь, это не Дмитрий Дашко, мой соавтор по книге «Штрафники 2017. Мы будем на этой войне».

Данная работа задумана и написана значительно раньше «Штрафников», но по ряду причин оставалась неизданной.

Мой знакомый – в прошлом сержант разведроты, участвовал в боевых действиях в Чеченской Республике, награждён Орденом Мужества.

С его слов он был представлен ко второму ордену, но из-за определённых обстоятельств наградной лист «затормозили» в штабе.

После прохождения срочной службы Дмитрий воевал по

контракту в разведке. Его непростые воспоминания своей суровой солдатской правдой порой по-настоящему страшной из-за привычной и даже обыденной жестокости творимой на войне оставили меня под очень сильным впечатлением.

Воспоминания Дмитрия мною переработаны, да и не рассказал он ничего такого, что можно было бы увязать в стройный сюжет. Кроме того о той войне написано, снято и сказано немало.

Тогда о чём эта работа?

О войне, о гражданской войне в России недалёкого будущего.

Главные герои – Янычар, Мамба, Бек, Негатив и Куба – офицеры-спецназовцы, воюющие против федеральных войск на стороне Объединённой Оппозиции. Они по разным причинам оказались в оппозиционных войсках, но каждый уверен, что сражается за Россию, за народ, за правду. Вместе с тем они пытаются понять свои роли в бессмысленной, чрезвычайно жестокой гражданской войне, не нужной простым людям, выносящим её тяготы и невзгоды.

Их непримиримые враги федералы тоже уверены, что воюют за страну, за справедливость, за свободу.

Все действующие лица вымышлены и не имеют реальных прототипов. Любые возможные совпадения событий и эпизодов, в которых оказываются мои герои, с событиями и эпизодами, может быть, когда-то и где-то происходившими ли-

бо встречающимися в произведениях других авторов, – не более чем случайность, каких в нашей беспокойной жизни великое множество.

Надеюсь, человечество исчерпало лимит на войны, геноцид, террор, революции и преступления.

Хочется верить, Россию ждёт великое будущее, и она никогда не сорвётся в пропасть гражданской бойни.

Сергей Лобанов

Пролог

Алексей Туркалёв сидел за старым, давно разошедшимся покачивающимся на ненадёжных ножках столом с круглой потёртой столешницей. Не менее древний стул меланхолично скрипел от каждого движения капитана.

Четверо товарищей офицера – такие же молодые и крепкие телосложением, дрыхли в этой же комнате.

Лейтенант Виктор Седых, носивший позывной – «Негатив», и старший лейтенант Юрий Шахов с позывным – «Бек», спали на разложенном продавленном диване. Они были не разлей вода ещё с Новосибирского высшего военного командного училища.

Лейтенант Рустам Мамбеталиев с позывным – «Мамба» уютно свернулся калачиком на кровати. Он единственный из группы не был кадровым военным, но в своё время его заметило командование и направило на специальные курсы, где Рустам освоил профессию снайпера и получил офицерское звание. Спецов не хватало, поэтому командование оппозиционных войск выходило из ситуации разными путями, в том числе и организацией курсов, куда направляли наиболее перспективных бойцов.

Старший лейтенант Ринат Кубаев с позывным – «Куба», спал на обычном матрасе, расстелив прямо на полу. Он незадолго до войны окончил элитное учебное заведение, един-

ственное в стране имеющее почётное право проводить выпуск молодых офицеров на Красной площади, – Московский общевойсковой Военный институт Военного учебно-научного центра Сухопутных войск.

Алексей Туркалёв носил позывной – «Янычар». Он окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище, и на этой войне успел дослужиться до звания капитана, получив его, командуя группой диверсантов, созданной по личному распоряжению большого офицерского чина.

Парни меж собой называли его Большой Папа или Астроном – за большие, уставного размера четырёхсантиметровые звёзды на беспросветных погонах.

Янычар вяло перелистывал лежащую перед ним нетолстую подшивку прошлогодних газет.

Собиравший её человек явно занимался тематической подборкой для какой-то своей цели.

Алексей не задавался вопросом, зачем неизвестный собирал эти газеты и принтерные распечатки. Он бегло и невнимательно просматривал заголовки и статьи, потому что не любил читать газеты. Ему нужно было чем-то занять оставшееся до встречи с Астрономом время.

На глаза Туркалёву то и дело попадались заметки, небрежно выделенные маркером жёлтого цвета:

«...Продолжая проводить подобную линию, человечество попадёт в тяжёлый исторический период, когда финансо-

вый ступор, экономический коллапс, массовый голод и безработица, уничтожение природы, отвечающей на это кактаклизмами, катастрофами и эпидемиями, вызовут неизбежные в этом случае волнения и недовольства народа.

Результатом подавления недовольства масс станет появление тоталитарных режимов с неизбежной оппозицией. Их противостояние может вылиться в новую мировую войну».

«День Победы, уже несколько лет проводимый практически без участников Великой Отечественной войны, продолжает оставаться для народа светлым праздником, памятью о подвиге советского солдата, избавившего мир от фашизма. Вместе с тем празднование Дня Победы начинает приобретать для режима негативную энергетику. К такому выводу пришли эксперты, анализируя выступления народных масс волной прокатившиеся по регионам России, состоявшиеся в канун великого праздника.

Организаторами выступлений стали представители независимых профсоюзов, различные партии оппозиционных сил. Ничем новым требования митингующих не отличались: «Правительство – в отставку!» «Военная реформа – развал армии!», – вот лишь некоторые лозунги, чаще других звучавшие на митингах, где много говорилось о росте цен на тарифы и услуги, о грабительских реформах ЖКХ.

Доминирующим среди оппозиционеров уже давно стало

утверждение: реформа Вооружённых Сил – есть ничто иное, как развал силовых структур страны, это приведёт к ослаблению позиций России на мировой арене и даже к утрате ею суверенитета. Оппозиция стремится представить дело так, будто бы внеочередные выборы всех уровней власти, и даже её смена насильственным путём – назревшая необходимость».

«Принятие правительством решения о выделении коммерческим банкам кредита в размере 150 млрд. руб. можно расценивать, как косвенное свидетельство неуверенности кабинета по поводу начала выхода из экономического кризиса...»

«Значительное повышение цен на услуги ЖКХ стало главной причиной подтолкнувшей население страны к митингам и забастовкам. Подобный скачок стал возможным из-за роста стоимости топлива.

Предвидя недовольство граждан, премьер потребовал, чтобы рост цен на электроэнергию в 2016 году не превысил для населения десять процентов. Но подобное требование осталось популистским, право на окончательное утверждение тарифов потихоньку без лишней огласки передали регионам, нашедших, по мнению самих регионов, более чем убедительные причины для превышения предельных показателей, установленных Центром.

Результат не заставил себя ждать.

Народ пошёл митинговать, чем тут же воспользовались все оппозиционеры, выдвинувшие к правящей партии требования по защите граждан от монополизма коммунальщиков. В результате лозунг «Правительство и Президента – в отставку!» получил у митингующих большую популярность».

«На этой неделе правительство страны впервые за долгое время вообще не соберётся на регулярное совещание, несмотря об объявлении премьера о создании антикризисного штаба.

Эксперты сходятся во мнении, что появление подобного органа нужно расценивать как ситуацию, при которой государство вынуждено балансировать на краю экономической пропасти. Кроме того, специалисты утверждают, что большинство россиян относится к институту государственной власти довольно негативно. По результатам проведённого опроса респонденты заявили, что не верят в возможность своего влияния на принятие решений и при этом не желают иметь с государством никаких дел. Вполне резонен вопрос: как долго в такой ситуации возможно сохранение пусть минимально приемлемой социальной стабильности?»

«Очередной виток экономического кризиса маловероятен,

по крайней мере, в ближайшую пару лет. Такое заявление сделал министр финансов РФ в ходе беседы с журналистами после заседания министров финансов и глав центробанков состоявшегося в Берне.

В то же время министр не смог не признать, что по этому поводу экономисты высказывают разное, порой полярное мнение, в этом сложном неоднозначном вопросе у них нет единой позиции. "Этот кризис очень серьёзный, – сказал министр финансов. – Такого не было даже в 2008–2012 годах, поэтому нельзя сказать точно, что может случиться в ближайшее время"».

«Министр финансов РФ выступил с докладом в Высшей школе экономики в четверг. Министр, как и месяц назад заявил, что этот кризис очень серьёзный, по-прежнему возможно самое непредвиденное развитие ситуации».

Янычар с досадой отодвинул подшивку.

«Все такие умные, – подумал он, – всё понимают, так какого хрена страну в чан с дерьмом окунули? Не могли финансовые потоки поделить? Хапали безмерно, суки, никак нахапать не могли в досталь, хотя там уже и правнукам на безбедную жизнь хватило бы. Нет, всё мало! А теперь простые люди глотки друг другу режут. И опять за чужие интересы...»

За окном по гравийной дорожке зашуршали шины авто-

мобиля, остановившегося сразу перед домиком, где спецназовцы отдыхали после очередного задания и ждали постановки новой задачи.

Даже от столь незначительного шума парни проснулись разом, готовые к немедленным действиям. Сказывалось постоянное и привычное пребывание в чрезвычайных ситуациях. Подчинённые настороженно и выжидающе глядели на командира.

А тот поднялся и сказал:

– Мамба, давай на пост, газетки почитай. Дальше со смелой сами разберётесь, а я поехал. Пора предстать пред светлы очи Большого Папы. Чем он на этот раз обрадует?

Янычар вышел из домика, глянув на наручные часы. Ровно шесть утра. Машина подъехала как всегда чётко в назначенное время. Как человек военный, он знал цену такой точности, поэтому испытал чувство удовлетворения.

Утро выдалось пасмурным. Затяжной дождь накрапывал с вечера всю ночь и, похоже, собирался идти неопределённо долго.

В нескольких метрах от крыльца стоял УАЗ-3159 «Барс». На нём Янычара всякий раз возили к Большому Папе, когда у того появлялась необходимость в группе.

Туркалёв подозревал, что у Астронома таких групп несколько и наверняка никто без дела не прохлаждается.

Задняя левая дверца приоткрылась, из салона легко выбрался крепкий высокий молодой мужчина в кепи, камуфля-

же без знаков различия, и замер изваянием у автомобиля. Поза свидетельствовала об абсолютной уверенности мужчины в своей силе и превосходстве. Впрочем, на Туркалёва это не произвело никакого эффекта. Люди проверяются в деле. Он давным-давно понял столь простую истину, поэтому не обращал внимания на позёров. Этот человек вполне мог быть как трусом, так и храбрым солдатом. Ну а что позирует слегка – так это у него должность такая.

Алексей уверено пошёл к машине и забрался в салон, где на заднем сидении находился ещё один человек в камуфляже. Мужчина забрался следом, поэтому Янычар оказался зажатым слева и справа крепкими телами. Водитель и пассажир с переднего сиденья даже не обернулись.

Тот, что выходил из салона, молча протянул Туркалёву плотную чёрную спортивную шапочку. Алексей привычно натянул её на голову и лицо, ниже глаз.

Автомобиль тронулся с места.

Янычар мысленно настроился на долгую езду в неизвестном ему направлении.

Большой Папа прятал драгоценное тело в глубоком бункере где-то в лесу, неподалёку от военного городка, куда обычно прибывала группа Янычара для получения очередного задания.

Неподалёку – это по сибирским меркам: не более двух часов езды по таёжным дорогам.

Наверняка бункер был гораздо ближе, а Алексея возили

кругами. Понять этого из-за шапочки на глазах он не мог.

Так они и ездили молча, то ли кругами, то ли нет. Потом автомобиль останавливался у ничем не приметных, обычных ворот из листового металла, выкрашенных тёмно-зелёной краской. Казалось, ворота вросли в небольшой холм, укрытый травой и кустарником.

Здесь Туркалёву разрешали снять шапочку.

У небольшой двери в створке ворот всегда стоял часовой с карабином и примкнутым штык-ножом. Он давил на кнопку звонка – самого обычного, какие ставят на квартирные двери многим и многим гражданам. Из ворот появлялся офицер, проверял документы у прибывших и вёл их внутрь холма, где метров через десять от внешних ворот стояли другие, одним своим видом говорящие о способности выдержать серьёзную ударную волну.

За этой преградой тоже светили фонари под невысоким сводчатым потолком, обшитым всё тем же листовым железом, проваренным на стыках электросваркой. Новичкам с непривычки всегда становилось тягостно, им казалось, они попали в глухой металлический склеп.

Но настоящий склеп – тот самый бункер находился гораздо глубже, куда прибывших доставлял ровно и уверенно гудящий лифт.

Здесь Туркалёва передавали другому офицеру, он вёл Алексея коридорами к кабинету Большого Папы.

И всякий раз Янычар подавлял раздражение: в то время

как миллионы людей страдают от войны, кучка избранных, решающих быть войне или миру, сидит глубоко под землёй, в безопасности.

Впрочем, не было здесь чего-то из ряда вон выходящего типа баров-ресторанов, ночных клубов, девочек в бикини. Бункер жил по армейскому распорядку. Это и примиряло Алексея с ощущением несправедливости, до краёв заполнившей не самый лучший из миров.

Астроном принял Янычара как всегда – сидя за обширным столом, втиснутым в не очень просторное помещение, где под сводчатым невысоким потолком тянулась жила разномастных кабелей со всякими распределительными коробочками, проходила система мерно гудящей вентиляции, крепились энергосберегающие лампы освещения.

Туркалёв представился, как того требовал Устав, после чего получил разрешение присесть. На этот раз беседа началась с того, что Большой Папа вышел из-за стола, чего ранее никогда не делал.

Янычар с тщательно скрываемым удивлением увидел, что Астроном хоть и широк в плечах и грозен лицом с грубыми резкими чертами, оказывается, невысок ростом, имеет животик, вероятно положенный по статусу. Китель на животике едва сходится, видимо, форма пошита несколько раньше и по другим меркам, а в условиях военного времени даже столь высокий чин не может позволить мундир по размеру.

Это очень удивило Туркалёва, никак не предполагавшего, что военачальник такого уровня в чём-то нуждается. Однако поди ж ты!

Алексей даже невольно подумал, что у Большого Папы, наверное, не застёгивается брюшная пуговица на брюках, и только китель не позволяет разглядеть сей казус. Янычар мог и ошибаться, но форменные брюки с шикарными красными лампасами сидели в обтяжку на коротких ногах-столбиках, обутых в чёрные лакированные туфли со слабо отражающимися на них бликами бледного освещения.

Астроном опустил на соседний стул, стоически выдержавший его вес, поёрзал, устраиваясь поудобнее, положил на животик недлинные руки с большими одутловатыми ладонями, сцепив короткие пухлые пальцы замком.

– Задание, которое вы получите, капитан, ничем особенным от других не отличается, – сказал он, привычно подавляя властным взглядом собеседника. – Но всё же оно имеет чрезвычайную важность.

«Кто бы сомневался, – подумал Алексей спокойно. – Давай, выкладывай своё задание, нам, сиволапым, не привыкать к чрезвычайной важности».

– Вашей группе предстоит проникнуть в город и вывести за его пределы генерал-майора Тарасевича. Он является источником очень ценной информации, кроме того, как нам стало известно, у генерала при себе есть диск. Если Тарасевич погибнет, тогда доставите диск. Но генерал мне нужен жи-

вым. Вы поняли меня, капитан? Живым.

– Так точно, генерал-майора Тарасевича необходимо доставить живым, – отчеканил Туркалёв, вставая со стула.

Большой Папа удовлетворённо кивнул, одновременно подавая небрежный знак рукой – садись, мол, чего подскочил.

– По нашим сведениям Тарасевич находится здесь.

Астроном встал и подошёл к развёрнутой на столе, специально изготовленной карте города Красноярска, ткнул пальцем.

Янычар, подошедший следом, кивнул.

– На подготовку сутки, – добавил Астроном. – Вся необходимую дополнительную информацию и техническое оснащение обеспечит генерал-полковник Скворцов.

«Ого! – невольно мысленно воскликнул Алексей. – Да ведь он начальник штаба Северо-восточного фронта! Если уж такая шишка курирует операцию, знать, дело и впрямь серьёзное. Что же это за птица такая, генерал-майор Тарасевич, и что за диск у него такой?»

– Есть вопросы, капитан?

– Никак нет, товарищ генерал армии!

– Свободны. И постарайтесь вернуться живыми. Ваша группа мне ещё понадобится.

«Умеет Большой Папа подсластить горькую пилюлю», – мысленно хмыкнул Алексей, покидая кабинет.

Обратный путь из бункера в гарнизон был проделан с теми

же предосторожностями в прежнем молчании.

Янычара высадили из УАЗа у домика, который всегда выделяли группе, как имеющей особый статус. Хлопнула дверца и машина укатила восвояси, а капитан отправился к парням.

Его встретили четыре пары вопросительных глаз самых близких ему людей, которые не бросят, не предадут. На душе стало немного спокойнее.

– Есть чё в клюв кинуть? – спросил он, присев на шконку. – Со вчерашнего вечера не жравши.

Бек достал из РД – рюкзака десантника банку говяжьей тушёнки, двумя точными движениями ножа вскрыл её, подал командиру.

Янычар ел с ножа жёсткие мясные волокна вместе с жиром, привычный и к менее вкусной еде. Расправившись с содержимым, отставил банку в сторону, вытер лезвие о белое вафельное полотенце, висящее на спинке кровати, рукояткой вперёд протянул нож Беку и, глянув на терпеливо ожидавших парней, сказал:

– Есть задание. На подготовку сутки. Обсудим.

Часть I

Привычка побеждать

Глава I

Огненный Яр

«(1.11) Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после»

Ветхий Завет, Екклесиаст¹, Глава первая

Июль, 2017 год. Восточная Сибирь, линия фронта войск Объединённой Оппозиции и федеральных войск.

Ночь как назло выдалась звёздной. Мерцающие на тёмном покрывале огоньки вместе с бледным диском луны равнодушно смотрели с высоты, далёкие и отстранённые.

Как при такой иллюминации пройти через позиции фёдеров – так в войсках Объединённой Оппозиции презрительно называли федералов – вопрос риторический, потому что переходить надо.

«Мишка» – вертолёт МИ-8Т ещё вечером сел в лесном

¹ Название ветхозаветной библейской книги, которая в христианской Библии помещается среди Соломоновых книг. Автором книги с глубокой древности признается – как в еврейском, так и в христианском предании – царь Соломон.

массиве неподалёку от посёлка Берёзовка. Пилоты посадили машину на свой страх и риск, потому как повсюду торчали пики сосен. Кроме того, здесь могли оказаться федералы. Район считался ничейным, но в реальности его контролировали федералы.

Уходила машина, подвергаясь не меньшему риску, а ведь экипажу предстояло вернуться за группой в назначенное время и вновь уйти на свою сторону.

Вот потому-то лётчики с плохо скрываемым недовольством выслушали приказ доставить и забрать группу из опасного района, и не от кого-нибудь выслушали, а лично от начальника штаба Северо-восточного фронта генерал-полковника Скворцова, что уже говорило о чрезвычайной важности задания. Хорошо хоть не приказали лететь напрямиком в город – это равносильно безусловной потере машины и экипажа вместе со спецназовцами.

Покинув вертолёт, группа Янычара в хорошем темпе продвигалась через лесной массив, а после и через выжженный дотла посёлок. Парням сопутствовала удача: они незамеченными дошли до окраины города. Теперь группе предстояло перейти вражеские позиции и вернуться назад.

Эта местность ещё три недели назад была под контролем Объединённой Оппозиции. Но массированное наступление федералов вынудило их противников покинуть город и с тяжёлыми боями отступить восточнее и севернее Красноярска.

При этом в городе оставались окружённые подразделения

войск оппозиции, не успевшие вовремя отойти с основными частями. Они отчаянно оборонялись и даже пытались прорываться, но уже было понятно – это отчаяние обречённых.

В этой неразберихе на территории Красноярской ТЭЦ-1 остался генерал-майор Тарасевич. Он сумел выйти на связь со штабом армии и сообщить о своём местонахождении, а также о том, что с ним вместе собралось около роты мотострелков, желдорбатовцев и пара танкистов в придачу, без машины. Все из разных частей, они встали под командование какого-то майора из морпехов по фамилии Пименов. Этот майор перешёл в непосредственное подчинение Тарасевичу.

В последний раз генерал-майор вышел на связь две недели назад и сообщил, что идёт почти непрерывный бой, от роты осталось несколько человек, все ранены, в том числе и он сам. Тарасевич обозначил, где его примерно искать и сказал, что это, вероятно, последний выход на связь.

Капитан Туркалёв осматривал позиции противника в штатный прибор ночного видения. Надежда пройти незамеченными крепла всё больше: никаких сплошных фортификационных сооружений он не увидел, простые выносные посты, да обычная умеренная суета, присущая в такой ситуации любой армии.

Вот только звёздная ночь, да большая луна несколько осложняли дело. Давешний дождь как назло прекратился,

ветер разогнал тучи, обещая скорую жару, когда отовсюду опять усилится и без того не проходящая вонь от не погребённых тел погибших в тяжёлых боях солдат.

Этот смрад беспрестанно преследовал живых, привыкнуть к нему никак невозможно. Вонь лишний раз напоминала о бренности всего живого...

– Пошли, – скомандовал капитан.

Пройти позиции противника удалось тихо.

Несколько километров осторожно шли уже в городской черте, держась ближе к развалинам складов, цехов, административных зданий и строений прочего технического назначения, что во множестве теснились на городской окраине.

Затем парни пробрались на территорию ТЭЦ и бесшумными силуэтами заскользили вдоль стены большого производственного корпуса, дошли до пролома, образованного прямым попаданием то ли пушечного выстрела, то ли танкового. Забрались внутрь цеха и двинулись уже по нему, осматривая внимательно нагромождения какой-то аппаратуры, переплетение толстых труб, огромные электродвигатели, перекрестья металлических ферм и другие технологические сооружения, создававшие невольное ощущение, что это организм огромного техногенного монстра.

Неожиданно прямо на них вышел солдат.

Парни вскинули оружие, готовые вступить в бой, а солдат затравленно шарахнулся и замер.

– Военный, закурить найдётся? – несколько развязно

спросил Янычар, подавая рукой знак своим, чтобы те опустили оружие.

– А?.. – испуганно, после продолжительного молчания отозвался боец.

– Закурить, спрашиваю, найдётся? – Туркалёв подошёл к нему совсем близко. – Да что ты испугался-то, словно мертвецов увидел, не к ночи будь сказано, – хмыкнул он, разглядывая врага в лунном свете, падающем в широченные оконные проёмы с выбитыми стёклами.

– А... Вы это... вы кто? – наконец смог собраться с мыслями молодой парень, продолжая опасливо поглядывать на незнакомцев.

Его пальцы нервно теребили ремень автомата, бесполезно висящего на правом плече.

– Кто-кто, коняги в пальто, – дружелюбно ответил Янычар. – Не видишь что ли, разведка, с рейда возвращаемся. Так есть закурить или нет? У нас уже давно кончилось курево, а курить охота, аж уши пухнут.

– Есть, – солдат торопливо полез за пазуху.

Его руки заметно тряслись.

– Да не трясись ты так, военный, свои мы, – успокоил парня Янычар. – Ты чего здесь один шарахаешься?

– Я это... работал тут раньше слесарем, до войны ещё... Даже не думал, что снова попаду сюда при таких обстоятельствах, вот хожу, вспоминаю.

Парень всё же извлёк пачку, протянул Туркалёву.

Янычар достал пять сигарет, четыре передал своим, одну заложил за ухо, вернул пачку солдату.

– И не боишься один ходить?

– Как не боюсь? Ещё как боюсь, – ответил искренне парень.

– Чего шарисься тогда?

– Сам не знаю. Хочу, чтоб война побыстрее закончилась, вернуться опять сюда, работать по-человечески...

– Где сейчас штаб бригады? – спросил Янычар. – Нас долго не было, – пояснил он насторожившемуся было солдату.

– В административном корпусе.

– Ясно. Ну, бывай, а нам пора.

– Ага, ладно, бывайте, парни, – отозвался боец.

Голос его звучал напряжённо. Он так и не поверил внезапно появившимся незнакомцам.

Янычар коротко махнул своим и первым растворился в густой тени.

Куба шёл замыкающим. Он чуть приотстал, и спецназовцы услышали сдавленный болезненный стон. Через пару мгновений Кубаев присоединился к группе, кивнув командиру.

Тот тоже кивнул в ответ.

Все понимали: по-другому нельзя. Это война.

Генерал-майора спецназовцы обнаружили там, где и рассчитывали – на втором этаже в одном из цехов, в пристрой-

ке с помещениями для инженерно-технического персонала. Повсюду царила разруха, валялась поломанная мебель, виднелись следы пожара, пожиравшего утварь, ползавшего по панелям стен, линолеуму, ламинату, оставившего копоть на потолке.

До сих пор валялись раздувшиеся от летнего тепла непереносимо воняющие трупы солдат, тела гражданских обоого пола и, что самое страшное – тела детей. Как гражданские с детьми оказались здесь, оставалось неясным. Может быть, спасались холодной зимой, надеясь на тепло труб замершей ТЭЦ, да так и остались до самого лета. Может быть, не успели по тем или иным причинам покинуть город, когда за него начались бои.

В этих условиях генерал-майор Тарасевич укрывался от федералов, кое-как перебиваясь найденной где-то вермишелью и пятилитровой пластиковой бутылкой с минеральной водой, которую экономил пуще всего, понимая, что скрываться наверняка придётся неопределённо долго, пока за ним пришлют кого-нибудь. Если вообще пришлют. От этих мыслей генералу становилось не по себе, он успокаивался тем, что диск очень нужен руководству Оппозиции. Поэтому терпеливо ждал, жуя вермишель, запивая скуными глотками, осторожно выглядывая на улицу, где хозяйничали федеры, и с каждым днём всё сильнее ощущал голод и жажду, уже не проходившую даже после глотка или двух бесценной воды.

Появление группы он, конечно же, прозевал. Мучимый бессонницей от стресса, увидел лишь силуэты неожиданно возникших в тёмной комнатухе молчаливых парней в камуфляже, разгрузках, с непривычным ему оружием, весь съёжился, втянул голову в округлые плечи, сильно зажмурился, решив, что настал конец.

Неизвестные молча набросились, смяли, блокировали и устроили допрос.

Кто-то грубо спрашивал:

– Войсковая часть? Звание? Должность? Фамилия? Отвечать!

Последовал несильный, но болезненный удар по почкам.

– Хых... – охнул утробно генерал. – Не надо... – заскулил он тихонечко.

– Отвечать!

– Штаб тринадцатой армии, генерал-майор Тарасевич, – затараторил торопливо генерал.

Тиски ослабли.

– Мы за вами. Диск при вас?

– Кто вас послал? – уже увереннее, с нотками стали в голосе спросил Тарасевич, всё же опасаясь шевелиться.

– Тот, кто знает, что диск должен быть у вас, – неопределённо ответил Янычар, позволяя генералу сесть на полу и откинуться на стену.

– Опишите его внешность, – потребовал генерал-майор. – Я должен быть уверен, что вы именно от него.

Даже в темноте Тарасевич увидел, как блеснули глаза незнакомца, отчего генералу стало неудобно.

Туркалёв ответил ровным голосом:

– Мы можем сказать, что нашли вас мёртвым и забрали только диск.

– Хорошо, – испуганно согласился Тарасевич. – Диск у меня, но я не скажу вам, где он.

Янычар отвернулся, скрывая невольную усмешку: мол, надо же – «не скажу»! Куда ты денешься – ляжешь и разденешься. Спрятал, говоришь, ну-ну. Куда спрятал-то? В задницу запихал или проглотил?

Повернувшись к парням, он сказал:

– Уходим. Скоро светает, надо успеть выйти из города.

Неожиданно на первом этаже пристройки послышались голоса, затрещал мусор.

Янычар сделал знак рукой Негативу, и тот тихо исчез из комнаты.

Снизу по-прежнему доносились голоса, какой-то шум, падение чего-то тяжёлого, отборный мат, чьё-то смачное чихание, наверное, от пыли.

Появился ушедший.

– На зачистку не похоже, – ответил он на вопросительные взгляды. – Мотострелки, десять человек, в том числе два сержанта, у всех «акаэмы», в разгрузках гранаты видны. Подсвечивают фонарями, шарятся. Клады, поди, ищут. Кому война, а кому мать родна.

– Да, – согласился Туркалёв. – Мародёры, что ли? – спросил брезгливо и добавил уверенно: – Какая к чертям собачьим зачистка по ночам!

– А хрен их разберёт. На них не написано. Но если подумать, что им тут ночью-то делать? Или тоже по памятным местам ходят, вспоминают рабочее прошлое?

– Они меня ищут, – пролепетал Тарасевич.

Все повернулись на его голос, будто хотели сказать: нужен ты им, как собаке пятая нога. Искали б тебя, не стали бы бестолково топтаться на первом этаже, переворачивая хлам, словно действительно в поисках ценных вещей.

– Ладно, пошли, – распорядился Янычар. – Выйдем с западной стороны.

Спецназовцы и генерал-майор покинули комнату и осторожно, стараясь не наступать на предательски хрустящий мусор, задерживая дыхание и обходя раздутые смердящие трупы, последовали в указанном командиром направлении. Голоса и шум на первом этаже отдалились, зато там, где планировалось покинуть здание, послышался нарастающий гул мотора.

Группа замерла, тревожно всматриваясь в проём окна с белеющим по периметру оплавившимся стеклопакетом с жалкими осколками стекла. В комнату задувал тёплый ветерок, лениво колыша едва видимые на белом пластике паутинки копоты.

Вскоре из-за угла соседнего здания, натужно гудя, выка-

тился БТР-90 с силуэтами пехоты на броне. Он остановился под окнами второго этажа, как раз под группой, и затих. Мотострелки попрыгали с брони. Слышался стук их обуви об асфальт, характерное бряцание амуниции и оружия, голоса. Кто-то энергичный отдавал команды о рассредоточении. Судя по голосу, он был из тех, для кого война – его стихия. Царящая кругом разруха – привычная среда обитания. А бронежилет, каску и автомат он носит с самого рождения.

Из здания показались двое. Они подошли, что-то сказали тому, кто отдавал приказы, тот кивнул, ответил, двое ушли.

Спустя некоторое время, голоса ковырявшихся внизу слышались на лестнице, ведущей на второй этаж. В конце коридора замелькали лучи фонарей.

– Негатив, действуй.

– Понял, командир, – коротко ответил Седых, уходя в сторону голосов.

Он появился довольно быстро.

– Сюрприз готов, – также односложно доложил Негатив.

– Вы что собираетесь делать? – дрожащим голосом спросил Тарасевич.

– Придётся пострелять, товарищ генерал-майор, – ответил Янычар. – Так уйти уже не сможем. Похоже, вы были правы. Это вас ищут. Только ищут спустя рукава, впрочем, как и всё в нашей доблестной, когда-то единой армии. Видимо, уверены, что здесь вас, как и в других зданиях, нет. Поэтому относятся к приказу формально, но всё равно, пе-

рекрыли все отходы. Это единственное, что они сделали вовремя, как раз под утро. Не успели мы совсем немного.

– Наоборот, успели, – со значением выделил последнее слово Тарасевич.

– Виноват, товарищ генерал-майор, – поправился Туркалёв.

– В каком вы звании?

– Капитан.

– Вот что, капитан, открывать огонь я запрещаю, – жёстко заявил генерал, в темноте высокомерно вглядываясь в собеседника. – Я уже навоевался тут, и даже сквозное пулевое ранение левой руки получил.

Генерал продемонстрировал свободно двигающуюся руку, кое-как перетянутую грязным бинтом поверх камуфляжной куртки.

Парням стало ясно, что ранение на самом деле пустяковое, больше разговоров, чем крови.

– У вас есть другой план, товарищ генерал-майор? – поинтересовался Янычар, ничуть не смутившись властного тона.

– Вы же командир группы, – язвительно заметил Тарасевич. – Вот и предлагайте, а я выслушаю.

– Группа, слушай приказ, – произнёс капитан. – При сработке сюрприза федеры откатятся назад, соображая, что да как, до рассвета уже не сунутся, потом пошлют сапёров. Но нам их ждать и зря терять время, резону нет. Поэтому на плечах оглушённых и дезориентированных федеров выйдем

на первый этаж, перебьём оставшихся. Вы, сопровождая товарища генерал-майора, с боем прорвётесь через жидкое пока оцепление и уйдёте по заранее отработанному маршруту.

– А вы? – подозрительно спросил Тарасевич.

– Я останусь, товарищ генерал-майор, и прикрою отход группы, – ответил Туркалёв без всяких эмоций, будто речь шла не о его гарантированной гибели при таком раскладе, а о каком-то пустяковом дельце.

– А если мы не сможем прорваться? – занервничал генерал. – Вокруг всё забито федералами. Как проходить? Мы целой ротой не смогли пробиться! Вы не могли не знать этого, капитан! Как вы готовили операцию?

– Готовил так же, как и другие, товарищ генерал-майор, – ровно ответил Янычар. – До сих пор получалось. Получится и сейчас. А нет... На нет и суда нет.

– Вы с ума сошли?! – взвился Тарасевич свистящим шёпотом, затухавшим в бетонной коробке. – Я должен выйти отсюда!

– Позвольте напомнить вам, товарищ генерал-майор, мы на войне. А на войне случается всякое и не только с солдатами.

Вдруг грохнул взрыв, коротко сверкнула вспышка, сжатая бетонными стенами взрывная волна метнулась по коридору, подняв пыль, тряпки, прочий мусор. Одновременно дико закричали несколько человек, а следом началась беспорядочная стрельба уцелевших, со страху поливающих из автома-

тов во все стороны.

Парни в несколько прыжков преодолели коридор, ворвались в тучу пыли, с валяющимися на полу странным образом уцелевшими двумя фонарями. Лучи неподвижно падали на троих орущих солдат, исковерканных взрывом, и одного бойца с оторванными обеими руками выше локтей, с раскиданными повсюду рваными кишками. Вместо лица и вообще головы у него осталась задняя часть черепа с коротким волосяным покровом на внешней стороне и кашей из мозгов на внутренней.

Именно он подобрал «сюрприз» Негатива – магазин от автомата Калашникова с заранее вырезанным в боковой стенке прямоугольным отверстием, с оставленными несколькими патронами, чтобы создавался эффект потерянного кем-то боезапаса. В вырезанном отверстии был удалён кусок подающей пружины, вложен пластид граммов сто пятьдесят, прикреплён специально подготовленный взрыватель, сработавший при подъёме магазина, лежавшего вырезанным отверстием вниз.

Впрочем, темнота всё скрадывала. Подсвечивавший себе фонарём солдат совершил роковую ошибку, наплевав на простое правило: не бери, что не тобой положено.

Вниз по лестнице из коридора медленно полз ещё один раненый, оглушённый взрывом. В судорожно сжатой руке он продолжал держать потухший фонарь. Его кишки тянулись следом, собирая пыль и копоть, марая мокрым засыпанные

мусором ступени. Солдат не кричал, он потерянно и бездумно полз подальше от страшного места, где орали его сослуживцы, где его тяжело ранило, вышвырнув на лестницу.

Используя приборы ночного видения, спецназовцы осмотрели помещение, намётанными взглядами определив, за какими укрытиями, скорее всего, попрятались оставшиеся солдаты.

Атака на укrywшихся была слаженной и отработанной, как на тренировочной базе. Каждый знал свою цель, действовал заученно, не совершая никаких лишних движений. Так в ночи ведёт себя дикий зверь, выследивший добычу, знающий, что она способна оказать сопротивление, но уверенный в своих силах и превосходстве.

Укrywшихся за всевозможным хламом солдат спецназовцы расстреляли из четырёх «валов»² и одного «винтореза»³. Поглощаемые глушителями хлопки беспламенных выстре-

² Автомат специальный (АС) «вал» предназначен для поражения целей в условиях, требующих ведения бесшумной и беспламенной стрельбы. Использование нескольких типов патронов – СП-5, СП-6 обеспечивает как высокоточную стрельбу, так и поражение целей в индивидуальных средствах бронезащиты или находящихся за преградой (в автомобиле). Состоит на вооружении специальных подразделений.

³ Винтовка снайперская специальная «винторез» (ВСС). Снаряжённая бронбойными патронами ПАБ-6 способна вывести из строя автомобиль и даже легкобронированную боевую технику. Пуля этого патрона легко пробивает стандартный бронезилят. Винтовка находится на вооружении у спецназа ГРУ, ФСБ и МВД, применяется для уничтожения живой силы, находящейся в укрытиях или прикрытых лёгкой бронёй.

лов перекрывались клацающими затворами.

Укрытие и бронежилеты третьего класса защиты призванные сохранять жизни владельцев от автомата АК-74 с патроном 5,45мм. и автомата АКМ с патроном 7,62мм. не спасли: солдаты гибли один за другим, так и не успев выстрелить в ответ.

От шкафов, за которыми они пытались укрываться, летели щепки, пыль, отрывающиеся дверцы. Мебель сотрясалась мощными пулями будто живая. Также сотрясались тела солдат, получая смертельные ранения от покрытых стальной оболочкой маленьких безжалостных шершней, пробивающих бронежилеты, рвущих мышцы, жизненно важные органы, кровеносные сосуды, разбивающих кости...

Через несколько секунд всё было кончено, клацающие затворы, выбрасывающие чуть дымящиеся гильзы, замерли, наступила тишина, прерываемая воплями раненых на втором этаже, стонами раненых уже здесь, да хрипением так и ползущего вниз по лестнице солдата с потухшим фонарём в руке.

Оставшиеся на улице, попрятались, кто куда, в основном за БТР, выставив автоматы, оценивая ситуацию, ожидая приказа командира. А тот совсем не горел желанием поднять взвод в лихую атаку, как это показывают в фильмах про войну.

Но вот он отдал команду едва торчащей из люка голове. Та спряталась, машина взревела дизельным с турбонадду-

вом двигателем, дрогнула и подалась вперёд, продвигаясь на несколько важных метров.

И спецназовцы, и генерал поняли, БТР сейчас выедет на более удобную позицию, чтобы получить возможность для ведения огня.

Очень внушительное вооружение состоящее из тридцатимиллиметровой автоматической пушки, пулемёта, гранатомёта и противотанкового ракетного комплекса не оставят ни одного шанса никому.

– За мной! – скомандовал капитан и бросился в какой-то закуток.

Остальные стремительными тенями последовали за ним, энергично толкая перед собой генерала.

Почти сразу же отчётливыми выстрелами грозно заговорила автоматическая пушка. Помещение, где только что были спецназовцы, наполнилось пылью, летающими кусками размолоченного бетона и обломков мебели. Гильзы, звякая, рассыпались по броне, падая на асфальт.

Ад крошечный объём часть здания.

Спецназовцы с пыхтящим одышкой Тарасевичем пробегали по узкому абсолютно тёмному коридору. Капитан шёл первым, используя прибор ночного видения. Он остановился внезапно, отчего идущий за ним на ощупь Тарасевич, ткнулся ему в спину вытянутыми руками. Группу догнал Негатив, позаботившийся о растяжке.

– Люк, – произнёс Туркалёв.

Остальные мгновенно его поняли. Общими усилиями подцепили зацементированную грязью тяжёлую крышку. Из открывшегося колодца пахло спёртым воздухом, застоявшимися миазмами канализации.

Все, один за другим, спустились по металлической лестнице вниз.

Негатив за собой задвинул крышку на место. В этот момент пушка заработала снова. Видимо, для страховки. Зашедший в пазы люк отсёк её пугающее рывканье и грохот в уничтоженном помещении.

Перед беглецами открылся проход в обе стороны по большому сводчатому бетонированному проходу. Быстро сориентировавшись, направились влево, вдыхая тяжёлый воздух, слыша шебаршение разбегающихся крыс.

Генерала, слепого как новорождённого котёнка, надёжно страховали, не давая упасть или стукнуться.

Грохнул приглушённый толщей земли взрыв. Это сработала растяжка, оставленная Негативом. Солдаты после обстрела сунулись внутрь, обнаружили коридорчик, и в пыли и темноте напоролись на растяжку, в таком тесном проходе гарантированно потеряв ещё нескольких человек.

Шли минут двадцать. Кое-где пришлось пролезать в довольно тесные лазы. Эти коммуникации строили ещё во время Второй мировой и после. Они были очень разветвлёнными и объединяли несколько заводов военно-промышленного комплекса, сконцентрированных на правом берегу города.

Этот подземный лабиринт всегда оставался секретным, доступ к нему имел очень ограниченный круг лиц. Навигатор с картой разветвлённых ходов Туркалёву вручил начальник штаба генерал-полковник Скворцов на всякий случай, даже не предполагая, что он пригодится на самом деле.

Если б генерал-майор до спасения не посидел на вынужденной диете и безводье, то вряд ли пролез в иных местах. О том, что тогда предприняли бы спецназовцы, сам генерал старался не думать.

Но вот капитан снова остановился, потом пошёл по какому-то ответвлению, где воздух казался заметно свежее, и вскоре замер у лесенки, ведущей наверх. Он поднялся и аккуратно слегка отодвинул закрежетавшую по асфальту крышку, в колодце сразу посветлело, но не особо: всё-таки, люк командир сместил немного.

Светало.

Янычар поставил крышку в пазы. Весь день просидели в колодце. Почти обезвоженный генерал мучился жаждой и бессонницей, а спецназовцы по очереди поспали.

Сверху доносились шумы проезжающей техники топот многочисленных ног, голоса команд.

Когда стемнело, капитан рискнул отодвинуть люк совсем, потом едва высунулся, вначале выставив «вал», быстро осматривая в прицел открывшееся пространство.

Тишина.

И пусто.

– Выходим, – скомандовал Туркалёв.

И первым выскользнул из колодца, пригнувшись, быстро пробежал до сгоревшего танка, нырнул под него, выставил между катков ствол автомата.

Остальные стремительными бросками присоединились к нему, никем не замеченные.

Неожиданно послышался тяжёлый гул и на улицу выехал бронетранспортёр с солдатами на броне.

Капитан выругался сквозь зубы.

Машина, рокоча двигателем, светя фарами, пролетела мимо и скрылась за поворотом, унося шум мотора и ослабляя натянувшиеся до предела нервы спецназовцев и генерала.

Короткими перебежками двинулись дальше, из города выскользнули без проблем, тихо миновав позиции противника.

А потом начался ночной кросс по сгоревшему дотла посёлку Берёзовка. Во время бега приходилось смотреть в оба: шла война.

Осторожный и в то же время быстрый бег был не просто кроссом решивших пробежаться энтузиастов, это был бег вырвавшихся из западни хищников, желающих выжить любой ценой, готовых для этого уничтожить любого.

Тарасевичу, не привыкшему к такому активному образу жизни, приходилось очень хреново. Его, едва перебирающего ногами, пришлось тащить под руки.

Из-за этого до лесного массива добрались только к рассве-

ту. И обнаружили, что сюда уже выдвинулось какое-то подразделение федеров. Это путало все карты. Пришлось опять ждать темноты и решать, как теперь проходить через неожиданно появившиеся вражеские позиции.

Двое двадцатилетних парней – рядовых мотострелков из федеральных войск удобно устроились меж двух срубленных и распиленных на брёвна сосен. Их едва ли не всей поредевшей в боях ротой с трудом притащили специально по приказу командира для укрепления пулемётного гнезда, но пока бросили поблизости.

Рядовые уже успели «пыхнуть», то есть раскурить «косяк». Сознание приятно воспарило, сковывающие души тиски страха, усталости, ненависти ко всей этой грёбаной войне отпустили, бойцам стало хорошо. Чтобы ротный не спалил и не разбил за такое морды, они легли рядышком на прогретую за день землю, укрываемые с боков приятно пахнущими смолой брёвнами.

Над солдатами раскинулся усыпанный звёздами небосвод с бляшкой яркой полной луны.

Один глупо и расслабленно улыбаясь, поднёс к глазам бинокль ночного видения. Такой прибор на электронно-оптических преобразователях «два-плюс» обеспечивал наблюдение объектов лунной ночью без подсветки на расстоянии до трёхсот пятидесяти метров. Встроенная подсветка, предназначенная для применения в плохую погоду или в закрытых

тёмных помещениях, позволяла наблюдать объекты примерно на расстоянии до двухсот пятидесяти метров.

На вооружении прибор не стоял, солдат нашёл его в разбитом магазине, в городе, когда из него выбили опóзеров – так презрительно федералы называли оппозиционеров. Нашёл случайно, упакованным в фирменную коробку, в общей куче мусора, которую солдат лениво разгребал, ни на что особо не рассчитывая. А тут вдруг такой сказочный подарок!

Боец справедливо решил, что такая штука в личном пользовании очень даже пригодится на войне.

Автоматическая регулировка яркости изображения приблизила луну с проступившими очертаниями кратеров, и звёзды, которых отчего-то стало в несколько раз больше.

– О-о! Зырь! Зырь, чё! Звёзды, какие! Не, Кушак, ты зырь! – обращаясь к своему другу, восторженно забормотал солдат, окутанный дурманом наркотика.

– Не хочу я зырить, отвали, – лениво отозвался второй боец, плавая в омуте приятных ощущений.

– Не, Кушак, звёзды, я отвечаю, а луна, бля, ты позырь! – не унимался первый, слабо толкая локтём товарища.

– Уй-щ-щ! – зашипел Кушаков. – Сука, не бей по руке! Я тебе сколько раз уже говорил! Болит же. После того, как ротный отмудохал за тот «косяк», так и болит до сих пор.

– Ну, братан, ну, забыл, – виновато забубнил первый боец. – Мне тогда тоже досталось вместе с тобой, я чё-то не жалуюсь. Ты позырь, звёзды, какие!

– Бля, достал ты своими звёздами! – возмутился Кушак. – Чё там с ними, дай, посмотрю.

Кушаков поднёс к глазам прибор.

– Оба-на! – тихо воскликнул он, всё же остатками здравого сознания понимая, где они находятся, а ещё больше опасаясь ротного. – В натуре, Бобрик, ты чё раньше не говорил?

– От ты олень, а! – так же тихо ответил Бобриков. – Я ему говорю, позырь, он не хочет, а потом ещё и наезжает.

– Я тебе про другое. Почему до этого молчал?

– Да не было возможности проверить, в рюкзаке таскал, а тут решил с собой взять, – ответил Бобриков, радуясь в душе удачной находке.

– Ништяк, Бобрик. Слушай, а тут ещё подсветка есть.

Солдат решил использовать внешнюю, более мощную инфракрасную подсветку.

– Не включай, баран! Если снайпер где-нибудь засел, то снимет обоих, – заволновался Бобриков, проявляя впитавшуюся в кровь осторожность, не подавленную даже анашой. – Дай сюда, я буду смотреть, ты всё равно не хотел.

– Хрен тебе, – не мудрствуя лукаво, ответил Кушак, отводя руку товарища, требовательно тянущуюся за своей собственностью.

Чтобы немедленно забрать бинокль, Бобрикову пришлось бы повозиться с Кушаковым, но дурачиться он не хотел, состояние не то, да и место неподходящее, кругом караулы стоят.

Свои-то парни ничего не скажут, но вдруг ротный с проверкой пойдёт? Лучше не начинать. Сделав такой совершенно правильный вывод, Бобрик по привычке нащупал холодный ствол автомата – ещё одного верного друга, лежащего рядом.

– Козёл, – убеждённо сказал Бобриков, чтобы получить хотя бы такую сатисфакцию за экспроприированный бинокль.

– От козла слышу, – немедленно с не меньшим убеждением парировал Кушаков, не отрывая бинокля от глаз и поворачиваясь набок, спиной к другу и лицом в сторону тыла, чтобы ради интереса посмотреть, как видно окрестности, а не только ночной небосвод.

Бобриков вдруг почувствовал, как напряглась спина товарища, и услышал его бормотание:

– Чё это? Слышь, Бобрик, опбэзеры по-тихому ломаются, человек сорок. Метров двести отсюда.

– Да пошёл ты, – беспечно хмыкнул Бобриков. – Опять обкурился, нарк позорный.

Последнюю фразу он произнёс обличительным тоном, словно сам пятнадцать минут назад блаженно не втягивал горький дым.

– Я тебе в натуре говорю! – горячечно зашептал Кушаков, держа левой рукой бинокль у глаз, а правой нашаривая свой автомат.

– Кушак, ты совсем уже плохой стал, завязывай с дурью, –

поучительно произнёс Бобриков. – Фронт у тебя за спиной, ты в тыл смотришь, башку включи. Как опозеры могут оказаться у нас в тылу?

Но Кушаков не слушал, активно толкая друга задницей, удобнее устраиваясь для стрельбы.

Его автомат заработал одновременно с тугими хлопками двух миномётов «Поднос», открывших огонь со своих позиций, и пулемётной очередью, трассерами обозначившей местонахождение врага, по которому вся подскочившая по тревоге рота устроила бешеную пальбу.

Мины понеслись в сторону неизвестной группы, воя над головами, заставляя в страхе вжаться в землю, залезть в любую щель, превратиться в молекулу, в которую не сможет попасть ни один из осколков, сотнями разлетающихся во все стороны, кого-то безжалостно поражая, вырывая из глоток вопли боли. Раненые с криками катались по земле, бухали взрывы, а новые мины всё летели и летели, дико воя, лишая воли и разума попавших под обстрел.

И всё же с их стороны зло заработали автоматы и два пулемёта, свинцовый шквал устремился в сторону федеров, отвечающих плотным ответным автоматным и пулемётным огнём. Темнота расцвела сполохами взрывов, ночная тишина раскололась грохотом внезапного ближнего боя.

Остатки группы, залегая, вновь поднимаясь, быстрыми короткими перебежками понеслись к лесному массиву, стреляя на ходу. У самого леса напоролись на противопехотные

мины, уставленные федералами совсем недавно и сразу пригодившиеся.

Федералы скорректировали огонь, и страшно воюющие мины продолжали безжалостно накрывать оставшихся оппозиционеров.

К разрывам миномётных добавились взрывы противопехотных мин. Они подбрасывали тела, отрывали нижние конечности, наспиговывали осколками пах и животы. Орала раненые, ухали взрывы, грохотали пулемётные и автоматные очереди...

Ночь опять выдалась лунная с невообразимым количеством звёзд на тёмном небосводе. В такую погоду хорошо признаваться в любви.

Но шла война...

– Командир, видишь двух клоунов? – поинтересовался старший лейтенант Кубаев. – Похоже, гонджубасом балуются, хулиганы. Дымина из-за брёвен валит, как на пожаре.

– Да, Куба, вижу, – отозвался капитан.

– Заняться ими? – деловито поинтересовался Кубаев, шевельнув «валом».

– Не надо, – подумав, ответил Туркалёв. – Они сейчас всё равно ни хрена не видят, кроме своих мультиков. Им не до нас, им хорошо.

– Сентиментальный ты какой-то стал, командир, – нейтрально сказал Куба.

– Старею, видать, – покладисто согласился капитан.

– Движение справа, – вновь доложил Кубаев. – Отряд численностью до сорока человек скрытно подходит к позиции фёдеров.

Алексей стиснул зубы. Вряд ли это погоня за ними. Идут скрытно. Ага, вон, видны белые ленты на рукавах. Свои это. Но как некстати! Им всем сейчас только стрельбы не хватало.

Внезапно со стороны брёвен, откуда недавно поднимались видимые в прибор дрожащие струйки сигаретного дыма, раздалась короткая автоматная очередь грохотом разорвавшая ночную тишину, и одновременно ухнули первые выстрелы миномётов, стремительные трассеры пулемётной очереди улетели в сторону неизвестной группы. Завертелась кутерьма ближнего боя, когда расстояние между противниками составляет не более двухсот метров.

– Ползком к лесу! – скомандовал капитан. – Глядишь, в этом бедламе проскочим незаметно. Порядок движения прежний.

Это означало, что первым ползёт лейтенант Мамбеталиев, следом – лейтенант Седых, за ним – округлый, как и положено генералу, постоянно потеющий, несмотря на обезвоживание, и страдающий одышкой Тарасевич, за генералом ползёт командир группы, за ним следует старший лейтенант Кубаев, замыкает группу старший лейтенант Шахов.

Завязавшийся бой стал быстро смещаться в сторону спец-

назовцев. Беспорядочный грохот автоматных и пулемётных очередей приближался, его догоняли ухающие взрывы, первые осколки с пугающим визгом полетели над головами, что значительно осложнило ситуацию. Группа и «клиент» шли без бронежилетов, в одних разгрузках: операция не предполагала плотного огневого контакта с противником, поэтому тащить на себе лишний груз никто из офицеров не собирался, действовать приходилось скрытно и тихо, что при полной амуниции очень непросто.

Перестрелка быстро докатилась до группы. Рядом с притаившимися в траве офицерами побежали разгорячённые бойцы со знаками различия войск Объединённой Оппозиции – белыми лентами на левых рукавах курток.

Они вели огонь на бегу, иногда падали, стреляли, поднимались и бежали снова, перепрыгивая в спешке через спецназовцев, вряд ли в кутерьме успевая осознать, кто это лежит: враг или свои; целы, ранены или мертвы.

Кто-то что-то кричал, кто-то отборно матерился, отдавая приказы – то залечь, прикрывая отход остальных, то перебежками переместиться на другую позицию.

Мины выли и выстужали душу, ложась совсем рядом, осколки страшной косой секли траву.

Взрыв грохнул неподалёку от Туркалёва, вжавшегося насколько было возможно в землю, закрывшего голову руками, будто это могло помочь.

На него швырнуло нашпигованного осколками, дико за-

оравшего солдата. От непереносимой боли боец дрыгал ногами в берцах.

Туркалёв заставил себя открыться, перевернувшись на спину. Слышать в таком положении воюющие на подлёте мины неизмеримо сложнее, чем лёжа на животе, уткнувшись лицом в землю. Он оттолкнул сучащие ноги раненого в сторону, и вновь перекатился на живот, подальше от орущего солдата.

Тут вдруг вскочил генерал-майор и с дурным от страха лицом побежал в сторону леса.

– ... твою мать!!! – заорал капитан. – Ложись!!!

Неимоверным усилием воли заставив тело оторваться от спасительной земли, он дёрнулся за генералом, но услышал вой очередной летящей мины и снова вжался в землю.

Взрывы пехотной и прилетевшей мины слились почти в один. Генерала подбросило, осколки с комьями земли секущим градом полетели в стороны.

Над Янычаром пронеслась тугая горячая волна. Мгновение спустя, он поднял голову и увидел Тарасевича с оторванной по колено правой ногой. Тот, выгнувшись от мучительной боли, лежал на спине и дико орал, стуча руками по земле, судорожно скребя её холёными пальцами.

Матерясь сквозь зубы, капитан пополз к генералу, осторожно тыкая перед собою ножом разведчика, опасаясь услышать характерный скрежет. Если вдруг противопехотные мины окажутся перед ним, а генерал сумел их перепрыгнуть,

напоровшись всё же на другую, то придётся искать обходной путь, и не факт, что там удастся проползти.

Лезвие ножа беспрепятственно уходило в землю. Мины на подлёте продолжали выть, разрываясь где-то впереди, ближе к лесу. Там же бухали противопехотные. На них напоролись остатки отряда, стремящиеся к спасительному лесному массиву.

Капитан дополз до Тарасевича и вколол ему промедол. Генерал обмяк, а Янычар принялся перетягивать культю с торчащей костью и бьющей толчками чёрной кровью. К капитану подползли остальные парни и начали помогать.

– Все целы? – неожиданно охрипшим голосом спросил Алексей.

– Меня в левое плечо зацепило, – ответил Седых. – Рука немеет.

– Куба, помоги Негативу, – попросил Янычар.

Кубаев стал оказывать ему первую помощь.

Тарасевич, тяжело дыша, спросил:

– Что со мной?

– Ранены вы, товарищ генерал-майор, – тактично ответил капитан, продолжая перетягивать культю.

– Яйца... Яйца целы? – срывающимся голосом спросил Тарасевич.

Он приподнялся и увидел, что правой ноги до колена нет.

– Б-ы-ы!!! – завыл генерал. – Нога!!! Где нога?! Найдите ногу!!! Её пришьют в госпитале!!!

– Диск где? – жёстко спросил Туркалёв.

– Ы-ы-ы!!! – не слыша его, выл генерал. – Найдите ногу!!!

– Мамба, посмотри, – коротко бросил капитан Мамбеталиеву.

Тот, немного приподнявшись, осмотрелся, что-то увидел в высокой траве, пополз в ту сторону, тоже аккуратно тыкая перед собою ножом. Потом, не разворачиваясь, начал пятиться. Молча показал капитану измочаленный кусок чужой ноги в берце. Отстранился так, чтобы свет проклятой луны попал на уцелевшую ногу Тарасевича, сравнил берцы на целой ноге и на оторванной, отрицательно покрутил головой. Оба были левые и вообще не похожи. У генерала новый, качественный, а у Мамбы в руках стоптанный, с полустёртым каблуком, вместо шнурка кусок медной проволоки.

Янычар, заговорщицки сморщившись, незаметно слегка махнул рукой и произнёс:

– Нашли вашу ногу, товарищ генерал-майор. Там аккуратный срез, любой хирург спокойно пришьёт, будет как новая. Где диск?

– Если я скажу, вы меня бросите, – тяжело дыша, ответил Тарасевич.

– Не бросим, – твёрдо ответил капитан. – Есть приказ доставить вас живым вместе с диском. Я хочу точно знать, что вы не потеряли его.

– Не потерял, он зашит в куртке за подкладку. Я вам не говорил там, в городе, не считал нужным. Теперь вы меня

бросите, да?..

Капитан промолчал.

Мамба быстро охлопал Тарасевича, нащупал что-то через ткань, ещё раз проверил чуткими руками, согласно кивнув капитану.

– Всё, уходим, – скомандовал Янычар. – Порядок движения: Мамба – первый, за ним я и Куба тащим генерала, замыкающие – Негатив и Бек. Мамба, сооруди генералу кляп, чтобы не заорал в самый неподходящий момент, руки свяжи за спиной, а то кляп выдернет, и вколи ему ещё промедолу.

До леса, по большой дуге огибая минное поле, пришлось ползти, укрываясь в высокой траве.

Бой закончился, но ночную тишину нет-нет, да и разрывали вопли раненых, переходящие с потерей крови в слабые стоны, постепенно затихающие, что могло означать только одно...

Разорванные внутренности и остывающие тела несчастных едва заметно парили...

Привыкшие ко всему парни знали об этом эффекте и видели его сейчас: если присмотреться – луна и звёзды подрагивали в поднимающемся от тел тепле.

Со стороны федеров изредка постреливали из пулемётов и автоматов по всяким неверным теням.

По времени группа начала опаздывать. Чтобы успеть к приходу «мишки», по лесу побежали в хорошем темпе, неся по очереди генерала на закорках, не привлекая лишь ране-

ного Негатива.

Тяжело дыша, разведчики бежали на пределе сил. Резво проскочив основную часть пути, группа наверстала упущенное время и пошла с прежней осторожностью, используя деревья в качестве укрытий.

Мамба, шедший первым, замер, подняв согнутую в локте левую руку. Остальные притихли, где стояли. Бек, несший на спине генерала, аккуратно опустился на колени и потихоньку свалил тело на землю, строго посмотрев в выпученные глаза Тарасевича. Похоже, он задыхался от кляпа, его по понятным причинам вытаскивать никто не собирался. Действие промедола уже заканчивалось, поэтому Шахов вколол раненому ещё дозу, увидев как у того «поплыли» глаза. Удовлетворённо распрямившись, Бек вместе с остальными стал всматриваться в ночной лес.

Какое-то время ничего не менялось, но каждый знал, у Мамбы чутьё на опасность, просто так сигнал тревоги он подавать не станет. Минуты тянулись бесконечно долго, навёрстанное время опять начало работать против них.

Но вот Мамба медленно поднял «винторез».

В частоте деревьев показались солдаты федеральных войск. Они шли осторожно, обходя сухие ветки, пригнувшись, чутко вслушиваясь в тишину леса. Луна и здесь освещала всё призрачным светом через кроны высоких сосен и елей, давая неверные тени.

Каждый из офицеров смог насчитать восемь солдат во-

оружённых автоматами, в касках, в бронежилетах третьего класса защиты. Какова на самом деле численность противника, сказать точно никто бы не смог. Наверняка это передовой отряд, дозор. Но медлить больше нельзя, время уходит.

Раздался чуть слышный хлопок. Шедшего первым солдата отбросило назад. Клацнул затвор, чуть дымящаяся гильза исчезла в траве.

Пока другие, сообразив, в чём дело, падали, Мамба застрелил ещё двоих. Они умерли прежде, чем успели коснуться земли.

Остальных застрелили капитан, Куба и Бек.

Раненый в плечо Негатив контролировал подходы к месту почти бесшумного скоротечного боя.

Уходили быстро, приходилось рисковать, но времени не оставалось на то, чтобы идти, укрываясь за деревьями. Вдалеке уже слышался шум винтов «мишки». До места посадки оставалось метров пятьсот.

По приказу капитана, Мамба ускорил бег, чтобы первым прийти в условленное место, осмотреться и занять оборону, а при необходимости – ликвидировать противника.

Неширокая поляна открылась как-то внезапно, сразу, парни просто выскочили на неё из леса и увидели, как на посадку идёт Ми-8Т. Шум работающих винтов стоял такой, что казалось, проснулся весь лес, а сюда спешат все федеры.

Шасси винтокрылой машины коснулись земли, бешено крутящиеся лопасти пригибали траву на поляне и колыхали

ветви деревьев.

Диверсанты, пригибаясь, волоком тащили генерала уже по двое, потому как в одиночку с этакой тушей справиться больше никто не мог, все выдохлись окончательно.

В проеме дверцы они увидели установленный пехотный скорострельный автоматический гранатомет АГС-17 «Пламя». Тренога с гранатометом крепилась растяжками, чтобы дергающийся при стрельбе АГС не вылетел из кабины. Гранатомёт являлся очень эффективным средством в борьбе с живой силой противника на дистанциях до восьмисот метров: плотный веер осколков выкашивал даже траву в радиусе семи метров от места взрыва. Боезапас в барабане составлял двадцать девять осколочных 280-граммовых гранат. Огонь вёлся вбок по полету, накрывая противника хорошо видимой цепочкой разрывов, или с виража, плотно укладывая гранаты в цель.

Затолкав между растяжками тело в салон, парни попрыгали следом, дополнительно к гранатомёту ошестинившись оттуда короткими толстыми стволами «валов». Из леса выбежал Мамба, всё это время прикрывавший посадку группы. Прижимаемый тугими потоками воздуха, он добежал до машины, сходу запрыгнул в неё, умудрившись не запутаться в растяжках.

Пилоты тут же начали «выбирать винты», что на жаргоне вертолётчиков означает набор высоты. Машина оторвалась от земли. Поляна, уменьшаясь в размерах, уходящая вниз и в

сторону, быстро обросла частоколом деревьев.

Из леса появились человеческие фигурки, так же как и спецназовцы, неожиданно для себя выскочившие на поляну. Они юркнули назад за деревья, готовясь к стрельбе, поднимая автоматы, лоя в прицелы сквозь ветки сосен винтокрылую машину.

Вертолет лег в разворот, и борттехник накрыл преследователей одной очередью из гранатомёта. Край поляны расцвёл вспышками частых разрывов, не оставляя ни одного шанса преследователям. Десятка гранат хватило, чтобы среди посечённых осколками деревьев остались изувеченные тела федеров.

Машина ушла вверх и в сторону. Офицеры без сил попадали, кто где.

Капитан смотрел в незакрытый проём и видел далеко в стороне и внизу Красноярск, чадающий багровыми в ночи пожарами. Бои за него шли упорные и тяжёлые. И всё же оппозиционерам пришлось оставить город.

«Огненный Яр», – подумал он устало.

Затем вопросительно посмотрел на Негатива.

Седых кивнул, мол, порядок, держусь ещё.

Янычар вытащил кляп изо рта генерала, и Тарасевич тут же завопил:

– Где моя нога?! Под суд пойдёте, твари!!! Сгною всех живём!!!

– Где та нога-то? – перекрикивая шум, спросил капитан

у Мамбы.

– А хер её знает! – крикнул в ответ Мамбеталиев. – Там где-то и бросил, всё равно же не его была!

– Расстреляю всех лично!!! – продолжал бесноваться Тарасевич.

Капитан с силой забил ему кляп обратно и вытащил нож разведчика.

У генерал-майора от страха глаза полезли на лоб.

Алексей распорол его обычный солдатский без знаков различия камуфляж и вытащил квадратную плоскую коробку. Приоткрыл, увидел зеркальную поверхность диска, снова захлопнул, глубоко и удовлетворённо вздохнул.

Подумал, что надо доложить о штабе бригады федеров в административном корпусе ТЭЦ. Пусть его как следует обрабатывает артиллерия.

Ещё Янычар подумал, что ума у генерала хватило переодеться в обычный солдатский камуфляж. А вот куда спрятать округлый живот, холёное лицо и изнеженные руки?

Правда, лицо у него сейчас совсем не холёное, а серое, с запавшими глазами и тёмным провалом рта с неэстетично торчащим кляпом. Всё-таки ранение тяжёлое, до конца жизни будет на протезе ковылять. Сам виноват, нехрен по минному полю бегать.

Но всё равно повезло генералу: свои нашли раньше федеров. Те бы ему автомат в жопу засунули и выстрелили. А потом кто-нибудь присвоил бы его берцы. Они хорошие, доро-

гие, выдают с потрохами принадлежность владельца к старшему офицерскому составу.

Янычар глянул на свои выдавшие виды вахруши и снова посмотрел на ногу генерала. В памяти неожиданно всплыла скабрезная присказка, услышанная ещё в военном училище от острого на язык старшины роты:

«Хорошо тому живётся, у кого одна нога: и з... меньше трётся, и не надо сапога».

Сдерживая лезущую на лицо неуместную улыбку, капитан откинулся на гудящую стенку и прикрыл устало веки.

Глава II

Отпуск с войны

*«(3.8) Время любить, и время ненавидеть; время войне, и время миру»
Ветхий Завет, Екклесиаст, Глава третья*

За отлично проведённую операцию группе дали недельный отдых с разрешением провести его в тылу. На таких радостях Негатив категорически отказался отправляться в госпиталь, заявив, что на отдыхе ему будет гораздо лучше, он клятвенно обязуется выполнять все предписания врачей, только отпустите.

Астроном на деньги не поскупился. Он остался весьма довольным результатом рейда: видимо, очень уж нужен ему был этот диск. О безногом Тарасевиче поинтересовался лишь раз и то, скорее, для порядка.

Деньги, как ни странно, ещё имели хождение во время этой чёртовой войны, расколовшей страну. Те самые российские рубли как денежная единица продолжали использоваться и оппозиционерами, и федералами. Правда, обесценились в разы, но в качестве платёжного средства принимались везде.

Чем можно заняться в неглубоком тылу, практически в прифронтовой полосе в условиях скоротечного отпуска, ко-

торый пролетит как один день, потому что тиски усталости едва начнут отпускать душу как раз к его окончанию? Правильно. Взять побольше водки, жратвы, оккупировать одну из ещё работающих, как это ни странно, саун с номерами, да найти пятерых стоворчивых девчонок посимпатичнее.

Девчонки тоже никуда не делись. Конечно, они не ходили уже по улицам в мини-юбках, не посещали пропавшие бутики, не сидели за большими уличными витринами в тоже пропавших кафе, не ездили по запруженным дорогам в своих «букашках», седанах, кроссоверах и джипах. Они просто стали жить и выживать по-другому, в условиях войны. Многие оказались на передовой, вытаскивая с поля боя окровавленных израненных солдат и офицеров; в госпиталях, своей заботой, женской лаской и чуткостью вытаскивая бойцов с Того Света; у станков на заводах, переориентированных на нужды проклятой никому не нужной войны.

Но остались и те самые, никуда не делись. Сейчас весёлая компашка этих дам полусвета с визгом плескалась в небольшом бассейне. А пятеро молодых мужиков – самому старшему, Янычару, всего двадцать восемь – в расслабленных позах, с небрежно наброшенными на обнажённые крепкие тела простынями, сидели за столом с батареей бутылок водки и вина, да всякой едой, что удалось раздобыть в полуподпольных магазинах прифронтного города.

Шёл пятый день отпуска, когда немного уже отпустило, когда женское тело перестало вызывать дикое ненасытное

желание, когда выработанное на уровне подсознания ощущение постоянной опасности уже не такое острое, когда... В общем, когда мир. Пусть такой, пусть обманчивый, но мир в отдельно взятой сауне, а за её пределами тревожно замер опустевший, живущий войной город.

Говорить особо было не о чем, разговоры на мирную тему как-то не шли на язык. Тот мир остался далеко позади. Шла война. Парни молчали, погружённые в свои мысли, ничуть не беспокоясь тем, что разговор не клеится. Для единения они не нуждались в бесконечной, подогретой алкоголем болтовне.

Негатив, ловко орудуя правой ладонью, сооружал из плова конусовидную башенку, водрузив сверху чёрную маслину. Остальные снисходительно наблюдали за его «впадением в детство», думая о своём.

Лейтенант Рустам Мамбеталиев, глядя на плов и ощущая его вкус во рту, вспоминал родовое село в Дагестане.

Грянувший в России кризис не миновал и его селения, расположенного в горах, где ничего не меняется веками, где опять вспыхнула война, охватив седой Кавказ.

Рустам по убеждению не принимал ничьей стороны, но пришли боевики, их блокировали федеральные войска, обещавшие старейшинам не трогать села и фактически сровнявшие его с землёй за пособничество местных сепаратистам.

Вначале как положено – переговоры, то, сё... С местны-

ми федералы только для виду либеральничали, но при любой возможности вообще не церемонились. С Рустамом однажды обошлись очень жёстко. Его остановили пьяные контрактники, угрожая автоматами, заставили встать спиной к дереву и натравили овчарку. Он отбивался, как мог. Спас бушлат, рукава собака изорвала в клочья. В конце концов, его отпустили.

Дальше – хуже. Начались артобстрелы, а потом и авианалёты.

Сначала погиб младший брат – пятилетний мальчик. Рустам с матерью собирали его по частям, отмывая окровавленные куски водой и слезами...

Потом погибла мать, тоже от разрыва снаряда.

Дедушка взял старое ружьё и пошёл мстить.

Его застрелили сразу у околицы, как только увидели вооружённого «чеха».

Отец умер незадолго до начавшейся войны и не видел этого кошмара.

Рустам остался один.

Он вслушивался в разрывы снарядов и бомб, боясь смерти и желая её одновременно.

Желание жить и отомстить пересилило все остальные.

Трагические события в жизни молодого парня, потерявшего всех родных, по-другому заставили взглянуть на мир, а вернее, уже войну, навсегда поселившуюся в юной душе горца.

Страна к тому времени уже раскололась на два лагеря.

Он, возненавидевший федералов и не приемлющий мировоззрения боевиков, ушёл к оппозиционерам. Там Рустам вступил в армию, прошёл отбор в спецназ, где проявил хорошие способности, был замечен командованием и отправлен на офицерские курсы, вернувшись в часть младшим лейтенантом.

Потом были разные спецоперации, где Мамба получал профессиональные навыки, оттачивая мастерство спецназовца.

Лейтенантские звёздочки он получил быстро.

В части Рустам сдружился с Бекон и Негативом. Парни многому научили своего нового товарища.

Группа из них получилась слаженная, эффективно работающая. Без дела такие спецы не сидят, не прохлаждались и они, выполняя сложные и опасные приказы командования.

Старший лейтенант Ринат Кубаев вспоминал, как с женой ел башенку из мороженого, посыпанного шоколадом, в том проклятом кафе.

В отличие от остальных, он когда-то был женат на самой красивой девушке Казани – Венере Алачевой.

Стройная гордая девушка с нежным лицом правильной формы, с длинными до пояса тёмными прямыми волосами, светло-кариими глазами, сводившая с ума парней, свела с ума и его, курсанта Московского общевойскового Военно-

го института Военного учебно-научного центра Сухопутных войск.

Будущие супруги познакомились в Москве, когда курсант Кубаев получил очередную увольнительную в город. Пара провела вместе несколько часов, полакомилась мороженым, сходила в кино, погуляла по городу. Увольнительная закончилась и они расстались, договорившись, что Ринат в следующую увольнительную обязательно придёт во Всероссийскую государственную налоговую академию Министерства финансов Российской Федерации и найдёт студентку Алачеву.

Но так и не получилось. То Венеры не было, то и без того с редкими увольнительными не выгорало. Так что ни к чему бы это знакомство не привело, не встретиться они снова уже в Казани, куда лейтенант Кубаев, безмерно гордясь новенькими лейтенантскими погонами, прибыл в краткосрочный отпуск после окончания училища.

Узнав друг друга, они стояли на улице, Ринат утонул в её глазах, а выпускница академии Венера Алачева с лукавой улыбкой смотрела на молодого статного лейтенанта.

Потом была свадьба.

Семья невесты вела род аж с тех самых Алачевых – выходцев из казанских татар, упоминавшихся в Москве как дворяне ещё в тысяча шестьсот сороковом году. А семья Рината была обычной, но свадьба детей объединила родителей.

Однажды молодожёны пошли прогуляться. Лучше бы они

этого не делали. Сколько раз Ринат поедом ел себя, травя душу. Но изменить ничего уже невозможно...

Они сидели в том самом кафе, где были в первый день знакомства, и опять ели мороженое, когда возле входа лихо остановился роскошный «Saleen S7». Ринат знал, что такой спортивный автомобиль фирмы «Tramontana» может развить скорость от нуля до шестидесяти двух миль в час, то есть сто километров, меньше чем за четыре секунды. Только двенадцать человек в год имеют привилегию приобрести одну из этих испанских динамо-машин, больше их попросту не выпускают. А ещё он знал, что с офицерской зарплатой купить подобную штуковину с ценником от пятисот пятидесяти тысяч долларов, никогда не сможет. Чем нужно заниматься в жизни, чтобы позволить себе такую машину, Ринат представлял слабо.

Он скосил глаз, проверяя реакцию жены на ситуацию, но Венера, по крайней мере внешне, оставалась совершенно равнодушной. Однако Ринат всерьёз задумался о том, что его статус может не соответствовать запросам красивой жены, которых она пока никак не показывает. Но что потом, когда начнутся гарнизоны и неустроенность быта? Он будет служить и мечтать о генеральских погонах. А что она станет делать там со своим образованием?

Из машины вышли два парня, по их виду было совершенно ясно, что это два мажора, папенькины сынки, живущие на отцовские деньги, считающие себя хозяевами жизни, убеж-

дённые, что им позволено абсолютно всё, потому что папы в случае чего обо всём позаботятся.

Впрочем, поначалу парни вели себя вполне прилично, никак не поддерживая стереотип, выработавшийся у простых людей по отношению к подобным персонажам. Они зашли в кафе, взяли мороженное, вальяжно развалились за соседним от пары столиком. Обратив внимание на Венеру, парни обменялись многозначительными взглядами, выражения их лиц стали похотливы, молодые «хозяева жизни» ошупывали и раздевали глазами девушку, ничуть не волнуясь присутствием Рината и кольцами на их пальцах.

Настроение начинало портиться и молодожёны направились к выходу, поднимаясь по лесенке. Ринат видел, что парни пошли следом. Неожиданно Венера взвизгнула, подавшись вперёд. Он резко обернулся и увидел, как один из парней с фривольной улыбочкой отдёргивает руку от ягодицы девушки.

Удар кулака пришёлся наглицу в нос. Парень сломанной куклой полетел по лесенке на руки идущего следом приятеля.

Потом всё было как в дурном сне.

Лежащий на полу умерший наглец: кости сломанной переносицы ушли в мозг...

Полиция, наручники, камера...

Родители Рината помочь ничем не могли. Изо всех сил старались родственники Венеры, имевшие неплохие связи в

обеих столицах – Москве и Казани, и адвокат старался как надо. Но папа негодяя входил в руководство одного очень солидного министерства. Он действительно обо всём позаботился в последний раз для своего отпрыска.

Потом адвокат принёс страшное известие: Венеру убили...

Всё время после задержания Ринат пребывал по мало кому что-то говорящему адресу: Москва, улица Новослободская, дом сорок пять, но зато многим известному как следственный изолятор номер два, а ещё больше как «Бутырка».

А Венера жила с родителями в Казани.

Жила...

Как же противоестественно звучит слово «жила», если речь идёт о близком человеке, не переехавшем по другому адресу, а ушедшем, откуда не возвращаются...

В Казани всё и случилось. Неизвестные ублюдки вечером затащили её в подъезд, оттуда в подвал, изнасиловали и перерезали горло. Их, конечно, ищут, но...

Адвокат всем видом изобразил, что лично он по причине нынешнего бардака и приближающейся неизбежной уже войны очень сомневается в поимке сволочей.

С этого момента жизнь для Рината, потухшая после ареста и понимания грядущего сурового наказания, а значит и расставания с любимой женой, потерей перспективы военной карьеры, обрела иной смысл – найти ублюдков.

Он «совершил рывок» на следственном эксперименте, ку-

да его вывозили по требованию адвоката, хотя этого, по мнению следователя, совсем не требовалось, и так всё ясно. Но защитник, съевший не одну собаку в уголовном и уголовно-процессуальном праве, добился своего. Какую цель он преследовал, добившись проведения соответствующего следственного действия, Ринат так и не узнал. Наверняка искал любую возможность по уменьшению ответственности подзащитного.

У Кубаева цель была иная.

Добраться до Казани, да и не только, в положении беглого преступника, находящегося в федеральном розыске, ой как непросто. В родном городе влиятельные родственники убитой жены позаботились об его укрытии от поднятых на уши властей, совершенно справедливо бросившихся за беглым именно в Казань.

Родственники Венеры, не рассчитывая на правоохранительные органы, сами проводили поиски гадов.

Аллах услышал его и их молитвы.

Ринат с отцом убитой привезли двух связанных мерзавцев в багажнике внедорожника, не подлежащего досмотру благодаря связям тестя, в тот самый подвал, и разделали их, как туши баранов. Резали живьём, не торопясь, заткнув им пасти, чтобы жители дома не слышали воплей. Мстителям хватило и сдавленного мычания подонков, безумных от боли глаз.

Потом пришли за отцом Венеры, но тот позаботился о же-

лезобетонном алиби. А Ринат оказался в войсках Объединённой Оппозиции, как только началась война. Его восстановили в звании. После прохождения соответствующего экзамена, спецназ принял молодого лейтенанта в дружные ряды, где он дослужился до старшего лейтенанта.

Капитан Алексей Туркалёв, глядя на импровизированную съедобную башенку из плова, против желания ухнул в омут тяжёлого воспоминания.

Он, выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища, молодой лейтенант, сразу попал в кавказскую заваруху. В должности командира разведывательного взвода Алексей на собственной шкуре начал осознавать то, от чего его пытался уберечь отец, отговаривая от выбора карьеры военного. Отец, сам кадровый военный, успел повоевать в Афганистане, а потом и в Чечне в середине девяностых ушедшего столетия, в досталь набегавшись с автоматом.

Поняв, что сын всё равно не слушает, он старался рассказать побольше важного и нужного для выживания. А ещё он как-то сказал, что настоящий офицер служит Родине, а не режиму.

Много позже Янычар по-настоящему понял, что за этой высокопарной фразой кроется целая жизнь таких как его отец служак, тащивших лямку не за ордена и звания, и при тащивших её к унижительной пенсии, стакану водки, ощущению ненужности, выброшенности на обочину жизни.

Этой фразой отец, по крайней мере пытался хотя бы сыну доказать, что его жизнь не была напрасной. Доказывал он это, обычно судорожно держа гранёный стакан, стуча крепким кулаком другой руки по столу с брякающей подпрыгивающей посудой, или по коленке, глядя тусклыми глазами в пустоту.

Из-за вытянутых на коленях спортивных штанов и растянутой застиранной футболки, заросшего щетиной пропитого лица, ни за что на свете нельзя было подумать, что это отставной военный. Скорее, какой-нибудь спившийся слесарь дядя Боря.

И всё же в шифоньере висел парадный китель с майорскими погонами, Орденом Красной Звезды, медалью «За Отвагу».

Это Афган.

Там, за «речкой», его ещё не раз представляли к наградам. Но ответ штабных всегда был один и тот же: «офицер уже достаточно отмечен».

Рядом с наградами ушедшей в небытие советской страны была награда обновленной России – Орден Мужества.

Это уже Чечня.

Помимо этого иконостаса имелась афганская «награда», которую ветераны-афганцы меж собой называли «Спасибо, что уходите», и юбилейная медаль «20 лет вывода советских войск из Афганистана».

Несмотря на горячие доводы отца и скорбное молчание

матери, spolна хлебнувшей доли офицерской жены, Алексей выбрал профессию военного...

... Его взвод должен был выдвинуться в заданный район и закрепиться там до подхода основных сил. В пути сделали короткую остановку. Как только тронулись, шедший первым БТР подорвался на мощном фугасе. Обычно по дорогам все передвигаются на высокой скорости, чтобы успеть проскочить возможное заминированное место, и часто это удавалось. А вот тут поди ж ты... Не доехали всего несколько метров. Как только тронулись и – на!

Сидевших на броне солдат взрывной волной раскидало поломанными куклами. Взрывом вырвало кусок дороги, небольшой лавиной осыпавшейся по крутому склону. Взрыв толкнул машину в эту яму. Потеряв опору сразу под четырьмя колёсами, она не удержалась, завалилась набок, несколько раз перевернулась, свалившись под крутой откос, и опять встала на колёса. Кувыркаясь, бэтээр раздавил тела нескольких солдат, перемешав с землёй, превратив в неузнаваемую страшную кроваво-грязную мешанину.

Второй БТР резко «клюнул», сидевшие на нём горохом посыпались вниз. Взрывной волной накрыло и их, кого-то посеколо осколками, почти всех контузило.

Янычар, сидевший на броне второй машины, выплыл из черноты, почувствовав сильную головную боль и кислый привкус во рту, потом пришло ощущение, что уши словно забиты ватой, хмурое небо будто размазано, а глаза никак не

могут проморгаться, пытаюсь восстановить чёткость картин-ки.

Кто-то из солдат приподнял его, прислонил безвольной спиной к пыльному колесу. Другой солдат, приблизившись лицом почти вплотную, кричал, широко разевая рот. Первых его слов Янычар не разобрал, а когда сообразил, что солдат обращается к нему, услышал сквозь пробки в ушах:

– ...ищ лейтенант! Пи...ц! Всем, кто ехал на первой броне – пи...ц!

Солдат дурным лицом и криком начал раздражать, Алексей рукой отодвинул его физиономию, соображая, куда подевался автомат, осмотрелся по сторонам, увидел других солдат сидящих и лежащих на земле, кто-то оставался без движения, некоторые едва шевелились, как сонные мухи.

Янычар опёрся руками о колесо, не отрывая от него спины, стал ползти вверх, отталкиваясь от пыльной земли непослушными ногами, съезжающими обратно. В глазах сразу всё поплыло, но он упорно полз выше, стараясь обрести вертикальное положение. Где-то на задворках сознания сидела очень важная мысль. В гудящей болью голове мысль никак не сформировывалась, но что-то о засаде, которой нет, иначе бы им всем точно пришёл тот самый северный пушистый зверёк.

Опираясь левой рукой о броню, он попытался сплюнуть кислый привкус, но вязкая слюна так и не оторвалась от губ. Алексей тыльной стороной руки вытер губы, ощутив солё-

ный вкус кожи. Ясность сознания и зрения постепенно возвращалась, только в ушах начало звенеть сквозь пробки.

Место подрыва первого БТРа представляло собой глубокую дымящуюся воронку где-то с метр глубиной и метров пять шириной, заканчивающуюся обрывом, куда улетел бронетранспортёр. Всё вокруг усыпало вывороченными камнями размером с хороший кулак, комьями земли.

Янычар вместе с другими держащимися на ногах стал осматривать тела. Никто из ехавших на первой броне не выжил. Оpoznать раздавленных кувыркающейся машиной было непросто, особенно двоих, перемолотых меж собою так, что отделить части тела одного человека от частей тела другого смогли бы только санитары в морге.

В воздухе стоял густой запах мочи и кала.

«Ну и как тут определить, «ху из ху»? – вяло думал Алексей, глядя на кашу из двух тел. – С теми, кто по отдельности, ещё ладно, можно как-то разобраться. А с этими что прикажете делать?»

Он оглядел солдат из тех, что способны были стоять и ходить.

У всех лица какие-то... равнодушные, что ли? Стоят, смотрят на тех, кто ещё полчаса назад ходил, дышал, разговаривал, думал, жил.

«Да ты и сам стоишь, смотришь, так что нечего на парней гнать, – вяло думал Алексей. – Что же делать-то? Надо как-то разделять их. А может, как есть всех в БТР сгрузить, а там

пусть санитары соображают, что да как...»

Ситуацию разрешил рядовой Смирнов – тот, что орал ему в самое лицо. За характерную особенность голоса сослуживцы наградили его кличкой Гундос. Он решительно подошёл к страшной мешанине, положил автомат на землю и принялся разделять куски тел, раскладывая на две части – руки, ноги, лопнувшие мокрые кишки, на которые уже налетели откуда ни возьмись жирные нетерпеливо жужжащие мухи.

Гундос словно работал с тушей коровы, попавшей под бешено несущийся локомотив, перемолотой до неузнаваемости, деловито бубня:

– Так... Это чьё? Ладно, в эту кучу... А это? В эту кучу... Нет, правая нога там уже есть, вон торчит... Значит, это сюда... Кишки... Тут вообще хрен разберёшь, пополам поделить и всё...

Янычар как во сне смотрел за деловитой занятостью подчинённого, чувствуя подступающую волну тошноты.

Кишки рядовой действительно разделил пополам, обмотав ими две горки перемолотых костей, рваной униформы, пропитанной кровью и измазанной пылью и землёй. Обмотал, как на новогоднюю ёлку гирлянды развесил. Со стороны полюбовался своей работой. Что-то увидел в земле, нагнулся и поднял странным образом уцелевшее глазное яблоко, аккуратно положил на одну из куч.

Самое ужасное было в том, что Гундос ничуть не рисовался, не играл на публику, он был абсолютно естественен.

– И кто из них кто? – хмуро спросили Смирнова.

– А тех троих раздавленных опознали? – деловито поинтересовался он.

– Ага. Черепок, Фома, и Медяк.

– Тогда эта куча пусть будет Дизель, а вот эта – Муха, – без всяких душевных терзаний определил Смирнов.

– У Мухи глаза серые были, – прокомментировал тот же солдат, а этот глаз чёрный.

– У Дизеля чёрные глаза были, – подтвердили из небольшой собравшейся вокруг толпы.

Гундос переложил глаз на другую кучу.

– Хотя можно было не перекладывать, – пробубнил он. – Какая разница, всё равно нихера не понять.

Тут Янычар не выдержал. Его скрутило пополам в рвотном спазме. Он рухнул на колени, извергая скудный солдатский паёк. Спазмы подкатывали один за другим, на глазах проступили слёзы. В желудке уже ничего не осталось, пошла желчь. В конце концов, лейтенант, тяжело дыша, обмяк, вытирая ладонями глаза.

– Смирнов, – просипел он. – Найди там, в бэтээре тряпьё какое, заверни всё, сложи внутрь.

– Чё я-то? – недовольно пробубнил рядовой. – Я вон, разложил уже...

– Выполняй.

– Есть... – обиженно отозвался солдат, уходя ко второй машине.

До Янычара донёлся его возмущённый голос:

– Чуть что, так Смирнов...

Капитан стряхнул наваждение, всё же подумав, что маслина сверху башенки из плова, сооружённой Негативом, – чёрная, как и тот глаз.

Старший лейтенант Юрий Шахов и лейтенант Виктор Седых, как ни странно, вспоминали об одном и том же: как в Новосибирском высшем военном командном училище, где получали военную специальность «Командиров подразделений войсковой разведки», сорвались в самоход – самоволку, привычнее говоря.

Причиной столь серьёзного дисциплинарного проступка послужили две девчонки, с которыми они познакомились на дискотеке. В этом совхозе курсанты отбывали трудовую повинность, обеспечивая училище стратегически необходимыми запасами картошки на зиму.

Поблизости работали студенты из госуниверситета, среди них преобладали девушки. Жили все там же, в совхозе, в разных зданиях, естественно.

Понятное дело, курсанты рвались к женскому полу, но командиры пресекали подобные попытки, чем ввергали будущих спецов разведки в уныние. А самое ужасное – никого не отпускали на местные дискотеки. Это было просто возмутительно, если учесть, что в самом совхозе, да в окрестных деревнях парней – раз, два и обчёлся. К тому же нормальных

из этой славной когорты, приехавшей по вечерам к временному общежитию студентов на мотоциклах, тракторах, а то и вовсе в кузове самосвала, практически не числилось: все, как один пьяные, выставяющие напоказ свою удаль и «деревенское происхождение».

Парни из студенческой среды оказались какими-то инфантильными, держащиеся особняком, не стремящиеся к охмурению слабого пола, ботаники, одним словом. Поэтому девчонки на дискотеках откровенно скучали. И вдруг случилось чудо – курсантов отпустили. Они под командованием лейтенанта строем пришли в местный клуб, а уж там им позволили быть самими собой – обычными молодыми парнями, только начинающими жизненный путь.

Кислые девушки воспряли духом, вся их скука вмиг улетучилась, даже музыка зазвучала как будто громче. Все местные удалыцы мгновенно оказались в тени будущей элиты вооружённых сил, чем остались очень недовольны, строя планы мести «воёнкам», плохо понимая, чем для них может обернуться такая «мстя», ведь это были не просто курсанты военного училища, а почти спецназовцы-разведчики.

Быстрая музыка сменялась медленной, энергичные движения уступали место плавным, сердце замирало от близости партнёра противоположного пола.

Кружатся пары, звучит музыка...

Целая жизнь у каждого впереди, долгая, обязательно счастливая, непременно такая, как задумано.

Если бы не война...

Но тогда никто не думал о ней. Не думали даже курсанты, получавшие военную профессию, обучавшиеся навыкам эффективного уничтожения врага. Они ещё были обычными мальчишками.

Кружатся пары, звучит музыка...

До войны, большой войны, какой не было в стране со Второй мировой, оставались считанные годы, за которые мальчишки станут офицерами. Многие успеют пройти горнила локальных войн, кто-то сложит голову в том пекле, остальных же страшная своей бессмысленной жестокостью гражданская бойня разбросает по фронтам и войскам противоборствующих сторон. Станут не только братьями по оружию, но и врагами те, кто ходил в одном строю, выкладывался из последних сил на марш-бросках, лежал на соседних койках, в свободные минуты брэнчал на гитаре, слушал незатейливые песни о подвигах простых солдат, верой и правдой служивших стране.

А пока они учились эффективно отнимать жизни у ещё условного противника, ещё не хрипящего под реальным ударом ножа, когда тело дёргается в конвульсиях, а по руке сжимающей рукоятку, течёт горячая чужая кровь. Пока они не видели полных предсмертного ужаса глаз тех, кого предстояло убить своими руками. Они ещё не знают, что эти глаза потом не забудутся никогда, часто будут сниться и преследовать в периоды депрессии, которую ещё только предстоит

глушить водкой.

Всё это ещё впереди...

Кружатся пары, звучит музыка...

Бек и Негатив познакомились с девчонками – Мариной и Настей. С ними они танцевали весь вечер, ревностно охраняя от посягательств со стороны.

Проводить, конечно же, девушек не получилось. Всё, что они смогли – это обменяться номерами телефонов, договорились звонить, писать «эсэмэски» и встречаться, когда поведёт с увольнительной в город.

Сорвались в самоход они ночью, выпрыгнув в окно со второго этажа. Инициатором был неугомонный Негатив, тогда ещё просто Витька Седых.

До временного студенческого общежития добрались тёмными улицами, под ленивое бреханье дворовых собак.

У общежития с одиноко горящей лампочкой у входа до сих пор стояли местные парни и девчонки из самых отвязных. Из издававшей виды иномарки бухала какая-то музыка, доносился смех и отборный мат, ветром принесло запах табачного дыма.

Парни подошли, с внутренним удовлетворением отметив, что Насти и Марины в этой компании нет, и попросили вызвать девушек.

Одна из студенток, ярко накрашенная, в шлёпанцах на босу ногу, в обтягивающих тяжёлый зад лосинах и растянутой футболке навыпуск, с наброшенной на плечи лёгкой кофтой

– ночи уже становились прохладными – смерила парней оценивающим взглядом и спросила с многозначительным подтекстом в тоне:

– А зачем они вам?

– Так тебе и сказали, – в тон ей ответил Негатив.

Его ответ вызвал у развесёлой компании короткий приступ истерического смеха больше напоминающего крики сумасшедших.

Размалёванная удалилась в общежитие, плавно двигая бёдрами, наверняка уверенная, что производит на всех присутствующих парней соответствующее впечатление. Наброшенная на плечи кофта и босые ноги в шлёпанцах странно контрастировали, взаимоисключая друг друга.

Оставшиеся две девчонки и четверо парней из местных натянуто молчали, видимо тяготясь присутствием курсантов.

Один из парней развязно обратился к Негативу:

– Дай закурить, братан.

– Не курю, – спокойно ответил Виктор.

– Кто не курит и не пьёт, тот здоровеньким помрёт, – выдал парень очень бородатую шутку.

– Слышал уже, – также спокойно отреагировал Негатив.

– А чё ты, в натуре, никогда не курил, что ли? Ни разу в жизни? – деланно удивился местный.

– Почему ни разу? – с непробиваемым спокойствием ответил Седых. – Пробовал. Не понравилось.

– Побывал бы там, где я, тогда бы закурил, – многозначительно сообщил парень, намеренно не продолжая, давая слушателям понять всю серьёзность своих слов.

Как бы невзначай он распахнул пошире ветровку, выставив напоказ медаль, носившую имя очень известного российского полководца. Однако неофициальный статус медали у военных, прошедших через реальные боевые действия, был весьма низок. Даже обидно за полководца, уж точно не заслужившего такого отношения со стороны солдат. Он добыл для Российской Империи не одну славную, блестящую победу, на века прославив русского солдата.

Причина, конечно же, была не в самом великом полководце, отношение к нему осталось на подобающем уровне.

Всё дело в том, что давали награду, ну, почти всем, так или иначе имевшим отношение к службе в «горячих точках», а порой даже просто за «отличные показатели в боевой подготовке и полевой выучке».

Прошедшие горнила войн солдаты и офицеры меж собой называли эту награду: «На, и отъе...сь», подразумевая тем самым, что многие военнослужащие прогибаются перед начальством, рассчитывая на поощрения и даже награды. Вот её и давали таким, чтобы отстали.

– А где ты был? – сухо улыбнулся Негатив, прекрасно осведомлённый о неофициальном статусе награды.

– Оттуда живыми мало кто вернулся, – скривился в ухмылке местный.

Остальные трое местных парней смотрели на него в почтительном благоговении.

По-видимому, он уже неоднократно рассказывал о своих «подвигах». Но перед ним стояли ещё двое «зелёных» и две студентки. Представилась отличная возможность лишний раз пропиариться.

– Ущелье Джурмут, – коротко добавил парень, искоса глядя на курсантов.

Будущие разведчики, конечно же, слышали о том тяжёлом бое в Дагестане, где крупные бандформирования блокировали роту федеральных войск.

Рота держалась трое суток. Из-за сильного тумана «вертушки» прийти на помощь не могли, к тому же боевики заминировали верхнюю тропу от Камелуха. По причине ненастного лета теснина перед Кудаором не поспевала с пропуском воды, и её уровень угрожающе поднялся, исключив возможность прохода по нижней тропе.

После того боя из ста с лишним бойцов в живых осталось всего восемь человек рядовых. В училище об этом говорили не раз и не два, курсанты помнили наизусть фамилии выживших солдат.

– А кого знаешь из пацанов? – спросил подключившийся к разговору Бек.

– Кого надо, того и знаю, – несколько грубо ответил местный.

– А всё же? – не унимался Шахов.

Причина подобного поведения курсантов крылась в том, что помимо имён и фамилий уцелевших солдат, они видели их фотографии, потому что всех представили к государственным наградам.

Награды, что красовалась на груди местного, никто не получил. Ни на кого из выживших героев он не походил.

У курсантов сложилось стойкое убеждение, что он из хвастунов. Если и был где-то, то где-нибудь в хоззвезде, ни разу не поучаствовав в реальных боевых действиях.

В это время из общежития вышли Марина и Настя, а за ними размалёванная.

Парни пошли им навстречу, забыв о неоконченном разговоре, оставив местного, к его счастью, неразоблачённым.

Размалёванная, жеманно улыбнувшись, отправилась к своей компании.

Девушки выглядели настороженно-смущёнными.

– Привет, – поздоровалась Марина, словно они расстались не пару часов назад, а как минимум пару дней. – А чё это вы?

– Мы в самоход сорвались, – сказал Бек таким тоном, как будто извинялся за что-то.

– Куда? – удивилась Марина.

– В самоволку, – добавил Негатив, глядя на Настю, с которой танцевал весь вечер. – Погуляем?

Девушки переглянулись.

– Можно, – согласилась Настя. – А куда пойдём?

– Вот по этому Бродвею, – Негатив показушно небрежным

жестом указал на тёмную улицу, освещённую кое-где лампочками над дверями домов.

Девчонки опять переглянулись.

– Ладно, пойдём, – сказала Марина. – Только, чур, не приставать. А то кричать начнём.

Девушки весело засмеялись.

Они шли по парам, причём девушки не возражали, когда руки парней словно сговорившись, легли им на талии. От такой вольности сердца у друзей готовы были выпрыгнуть из грудных клеток.

Разговор не клеился, так они в молчании дошли до окраины, где уже начинались поля. Ленивое бреханье собак осталось где-то позади, впереди – ровное поле, соприкасавшееся на горизонте с небом, начинающем светлеть на востоке. Чуть в стороне от компании стояли стожки сена. Не говоря ни слова, парни обозначили движение в том направлении, чутко улавливая реакцию девушек. Никакого сопротивления не последовало. Окончательно разделившись, пары отдалились.

Бек повернулся к Марине. Близость сводила его с ума, но он сдерживался, опасаясь испугать девушку. С бешено стучащим сердцем сделал ещё один маленький шагок навстречу, положил руки Марине на талию, вновь как на дискотеке ощутив гибкий и хрупкий стан.

Девушка не сопротивлялась.

Их губы сближались сантиметр за сантиметром. Марина

уже прикрыла глаза, как вдруг неожиданно ойкнула, вздрогнув всем телом. Одновременно Бек почувствовал на своей шее жёсткий удушающий захват, заставивший прогнуться, опрокидывающий навзничь, впрочем, не грубо, а скорее показательно, как на тренировке по рукопашке.

Испуганная душа ещё не успела осознать, как раздался холодный голос лейтенанта:

– Ты убит, курсант.

– Товарищ лейтенант... – проямлил Шахов.

– Встать, – вполголоса скомандовал офицер.

От его тона тело Бека покрылось мурашками.

– Кто разрешил покинуть расположение?

Голос офицера по-прежнему оставался холодно-спокойным, однако деморализованный Шахов ничуть не обманывался. Из-за спины лейтенанта неслышно вышла молодая женщина, одна из преподавателей, бывшая в числе старших над студотрядовцами.

Увидев её, Марина в смущении прикрыла ладошкой губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.